

ПСИХОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Т.Д. МАРЦИНКОВСКАЯ

Словосочетание «психология XXI в.» стало настолько привычным и даже навязчивым, что в его смысл перестали вдумываться, не замечая, как за привычностью термина уходит не только его содержание, но и осознание происходящих в последние годы изменений отношения к науке, ее места в современном мире. Поиски смысла научной деятельности, роли и границ воздействия научных открытий на общественное сознание связаны как с методологией, так и с анализом тех проблем, с которыми мы столкнулись в последние годы. Особенно важным такой анализ представляется вследствие того состояния неопределенности, которое переживает российская психология. Среди проблем, с которыми сталкивается наша наука, есть и общемировые (например, размывание границ между теорией и практикой), и специфические для отечественной психологии тенденции, связанные со все более отчетливо прослеживающимся доминированием утилитарности. Такая ориентация характеризует не только и не столько состояние науки, сколько состояние общества, опять возвращающегося к нивелированию ценности творчества и самостоятельной творческой мысли, не имеющей практического выхода.

Таким образом, сложности в осознании психологами смысла и методологических принципов своей деятельности в настоящее время во многом обусловлены как логикой развития науки, так и состоянием общества, которое само не определило, какие задачи оно ставит в настоящее время перед психологией, чего ждет от нее. Поэтому представляется интересным сопоставить разные позиции и научные представления с социальными представлениями современного общества и его ожиданиями от науки.

Прежде всего, встает вопрос о том, насколько созвучны тенденции к междисциплинарности и постмодернизму, ясно прослеживаемые в науке в настоящее время, тем трансформациям, которые происходят сегодня в мире. Даже поверхностный анализ дает возможность

увидеть некоторые кардинальные изменения, наиболее характерные для сегодняшнего дня. Новой эпохе, в частности, свойственны такие черты, как глобализация, серьезные межэтнические и межконфессиональные конфликты, представления о пассионарности и активности людей в конструировании окружающего мира, ярко выраженное состояние неопределенности в понимании целей и направления развития общества. Изменчивость мира и его образа в сознании людей разной ментальности, образования и социальной принадлежности меняет и само представление о межличностных и межгрупповых отношениях и аттрактивности партнеров, проблематизируя или, напротив, упрощая контакты с людьми другой культуры. Попробуем представить, как это может сказаться на развитии науки.

Проявления глобализации сказываются не только на экономике и политике, они затрагивают все стороны взаимодействия разных культур — от обмена технологиями и совместных научных разработок до смешанных браков. Существенное влияние оказывают эти процессы и на восприятие людьми окружающего пространства, которое начинает ощущаться как свернутое, а сама Земля — как небольшая планета, расстояния между разными точками на которой совсем не так велики, как казалось прежде. Естественно, это не может не проявиться в представлениях об окружающем мире. Если в прежние века время и пространство казались людям бесконечными, ведь жизнь вечна, а земля — огромна и обойти ее невозможно, то сегодня люди понимают как быстротечность и ограниченность жизни, так и легкость перемещения в пространстве. Это придает другую ценность жизни, а также создает необходимость принятия факта существования других людей и других культур. Увеличение миграции также приводит к необходимости межличностного взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, поэтому огромное значение приобретает анализ причин дезадаптации людей к новым условиям жизни, неприятие или пассивное отторжение той культуры, тех традиций, которые являются значимыми для нового социального окружения.

В то же время, взаимодействие людей, имеющих разную ментальность, разные языки, разные ценности приводят к необходимости осознания и на бытовом, и на научном уровне относительности наших представлений об истине, о том, «что такое хорошо, а что такое плохо». Важной становится оценка одной и той же позиции с разных точек зрения, в разных подходах и разных науках. Таким образом, междисциплинарность, полипарадигмальность и постмодернизм, о которых заговорили методологи, не являются совершенно абстракт-

тными понятиями, эти тенденции продиктованы не только научными изысканиями, но и самой жизнью.

Особую актуальность такой поиск разных подходов и преодоление границ между ними приобретают для психологии личности. В исследовании проблемы личности в психологии сходятся, сталкиваясь и соединяясь между собой в своеобразный «коллаж», несколько философских и психологических концепций, ведущими из которых, на мой взгляд, являются экзистенциальная философия и гуманистическая психология, психология деятельности А.Н. Леонтьева и культурно-историческая парадигма в разных ее вариантах (А.А. Потебня, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский). При этом основными точками соприкосновения здесь становятся понятия бытия, значения и смысла.

Если Леонтьев писал о важности общественной (социальной) практики, рефлексия которой создает значения и смыслы, формирующие сознание личности, то Э. Гуссерль и Г. Шпет рассматривали феномены сознания, связанные с разными видами бытия. Так, Шпет говорил о том, что существует несколько видов бытия — бытие природное, которого, как он считал, не существует в чистом виде, бытие культурное и бытие отрешенное (среднее между логически отвлеченным и эмпирически данным). На самом деле, утверждал Шпет, окружающая нас действительность является в первую очередь не природной, а социальной, исторической, культурной. Поэтому все виды бытия соединяются в бытии социальном, которое отражает и мысли человека, и реальные предметы, и предметы творческого воображения. Доказывая это, он приводил в пример любую вещь, которая несет на себе отпечаток различных видов бытия — их естественность есть весьма условная часть действительного целого и абстракция от конкретного. Мне представляется, что именно этот подход не только открывает широкие перспективы исследования социализации человека, присвоения им в процессе деятельности продуктов (реальных и идеальных) общественной практики, но и помогает преодолеть натуралистическую позицию в психологии личности и найти для нее место между субъектом и духовным миром, соотнести внутреннее содержание, присущее только личности, с миром культуры. Шпет считал, что человечество в процессе своего развития создает новый мир, социально-культурный, существующий помимо мира природного. И именно этот мир и является целью социального познания, и процесс, и результат которого превращает человека в социально-культурного субъекта, а его поведение из естественного трансформируется в поведение, имеющее определенный социальный смысл. Таким образом,

человека превращает его в социальную личность, поведение которой служит определенным знаком для других людей и одновременно для него самого.

Постижение объективного (значения) и субъективного (смысла) содержания знаков, происходящее в процессе социального познания, ставит вопрос о той картине, образе мира, который возникает в сознании человека. Многочисленные исследования, проводимые в разных научных школах, показали многомерность этой картины, в которой, как в гениальной инсталляции, уживаются и дополняют друг друга различные представления, порожденные разными видами бытия. Целостность этой системы представлений, являющаяся важнейшим условием ее существования, доказывается не только работами А.Н. Леонтьева, но и материалами Э. Эриксона, С. Московичи и др. Однако вопрос о том, что же лежит в основе этой целостности, остается открытым. В этом плане представляется, что значение концепции Э. Гуссерля для психологии все еще не получило достаточной оценки, в частности, его идеи о существовании априорных постулатов, относящихся к жизненному миру и существующих до всяких, в том числе и научных, эмпирических ценностей. Не умаляя научного знания, эти постулаты структурируют его, позволяя создать из опытных данных о психических феноменах целостную систему. Феноменологическая редукция здесь имеет значение не только для структурирования информации, получаемой из внешнего мира, что было показано еще в работах гештальтпсихологов (частично — в работах Дж. Гибсона), но и для структурирования смыслов, в том числе для понимания себя и смысла своего существования мире.

Именно идея смысла есть некоторое связующее звено, позволяющее перебросить мостик от Э. Гуссерля к другим авторам, в том числе и к концепции значения и смысла А.Н. Леонтьева. Говоря о жизненном мире и развитии представлений о нем, Э. Гуссерль подчеркивал, что предмет есть, а смысл — значит. Эта позиция дает возможность соотнести несколько пластов бытия, в том числе: значение и смысл предмета (что отсылает нас к работам А.Н. Леонтьева), значение и представление, внутренняя форма предмета (что отсылает к Г.Г. Шпету).

Благодаря феноменологической редукции для нас открывается идеальное бытие, но есть еще и реальное бытие вещи, которое часто существенно отличается и от естественного, и от идеального бытия. Ведь любая вещь несет на себе отпечаток различных видов бытия (абсолютного, трансцендентного, социального, природного и т.д.), и их естественность есть весьма условная часть действительности. Значе-

ние — это и есть тот исток, тот априорный момент, который дает нам в виде общего понятия истину об объекте. Погружение в суть предмета, при всем эмпирическом понимании его субъективности, предполагает и объективное познание. А эмпирический опыт, напластованный на это значение, придает ему личностный смысл, причем именно в том плане, какой вносится в это понятие А.Н. Леонтьевым, тем самым связывая несколько пластов нашего бытия в единое целое. В то же время опыт человека носит не только личностный, но и надличностный характер, а потому появляется еще и идеальное представление, внутренняя форма предмета, которая связывает его эмоционально уже не с личным, но культурным опытом.

Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить таковую — совсем без со-действия, интеракции с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими. Ведь именно в процессе коммуникации люди передают друг другу как значения, так и свои смыслы, часто бессознательно путая одно с другим.

Хотелось бы обратить внимание еще на один пласт проблем, актуализирующих тенденции, развиваемые постнеклассической психологией. Глубокие изменения социальной ситуации, ценностных ориентаций и нормативов, преобладающих в идеологии современного (и не только российского) общества, нарушили его стабильность и снизили уровень укорененности и социализированности людей. Современное общество ставит перед человеком большое количество сложных, неоднозначных жизненных ситуаций, требующих осознанного и адекватного выбора. В то же время у многих людей нет понимания разности своих социальных представлений, нет умения отделять эмоциональные отношения от рационального взаимодействия. Поэтому подходы, раскрывающие разное содержательное наполнение дискурсов при различных межличностных дистанциях и ролевых позициях партнеров, являются крайне актуальными. Тревожным является и выявленное во многих исследованиях стремление людей к включению этических установок при проблематизации ситуаций, возникающих в межэтническом взаимодействии. Возможно, что данная стратегия поведения играет роль своего рода копинга, защиты, помогая человеку рационализировать проблему и доказать самому себе, что стереотипы и нормы поведения, принятые в его культуре, лучше, чем в культуре партнера. При этом возникает вопрос: не мешает ли такое включение моральной оценки социализации человека в иной культурной среде?

Изменчивость, текучесть, казалось бы, незыблемых представлений, истоки которых коренятся в бессознательном, в архетипах, обусловила необходимость поиска человеком в себе тех внутренних, духовных способностей, которые помогут ему противостоять давлению среды, кардинальным социальным, экономическим, идеологическим изменениям, способным нарушить (и даже разрушить) его целостность, идентичность, его понимание окружающего мира и самого себя. Символично, что на рубеже XX–XXI вв. вновь, как и столетие назад, приобретает актуальность проблема смысла и сути культуры, отличий природного и культурно-исторического бытия, границ и способов влияния культуры на личность. Это связано с тем, что формирование идентичности начинает происходить уже преимущественно не на основе социальной, но на основе национальной составляющей. При этом крайне важно, чтобы образующей этой идентичности стала национальная культура, а не родовая принадлежность.

Процесс вхождения в определенную социальную действительность предполагает понимание особенностей этой действительности, принятие ее норм и ценностей в качестве собственных идеалов и установок. Однако, в отличие от социальной адаптации, социализация предполагает не только пассивное принятие определенных норм и правил поведения, но и их активное использование, т.е. выработку человеком определенных знаний и умений и их адекватное применение в данной социальной действительности. Именно этот аспект социализации, связанный с выработкой активной позиции, со стремлением самоактуализироваться именно в этой действительности, несмотря ни на какие препятствия, вызывает наибольшие сложности.

Индивидуальные поиски новых эталонов, наиболее оптимальных способов социализации в новой действительности часто приводят к появлению неадекватных для современной ситуации идеалов и норм, заимствованных при обращении или к прошлому нашей страны (как к советскому, так и дореволюционному), или к опыту других стран. Поиски эталонов, идентификация с которыми даст возможность осознать и свою собственную ценность, и ценность и уникальность собственной страны, необходимы и для успешного формирования идентичности, и для успешной самореализации. Они обуславливают тот значительный всплеск интереса к истории, который отразился в большом количестве выпускаемых в последнее время исторических хроник, мемуаров, беллетристических произведений, кино- и телефильмов, созданных на основе исторических фактов. Так люди пытаются «восстановить связь времен», воссоздавая

как индивидуальную, так и социальную идентичность, утерянную в последние годы.

Культура и, особенно, искусство, остаются неизменными даже тогда, когда меняется быт, мировоззрение, политические и структурные аспекты социальной адаптации человека. Поэтому инкультурация обеспечивает укорененность и устойчивость, необходимые в сегодняшней жизни, которая многими воспринимается как разломанная, неопределенная. Национальная культура, в случае успешной инкультурации, эмоционально воспринимается как единое целое. Однако для этого ~~человеку необходимо осознать связь культуры в разные периоды~~ российской истории — допетровской, дореволюционной, советской и современной, а также выделить определенных исторических персонажей (ученых, художников, политических деятелей), через эмоциональную идентификацию с которыми могут быть сформированы разные структуры самосознания (национальное, правовое, личное). Так формируется одна из важнейших составляющих структуры самосознания личности — «Я — культурный человек».

Идея культуры как фундамента социализации важна и потому, что нарушение идентичности, связанное, прежде всего, с переоценкой ценностей, в том числе и ценности своей жизни, увеличивает напряженность, фрустрированность людей. Такое психологическое состояние мешает восприятию нового, в том числе новых идей и новых форм активной деятельности, которые ощущаются как «эмоциональная перегрузка», а потому либо не воспринимаются, либо агрессивно отторгаются. Подчеркивание связи с позитивным прошлым опытом, с культурой дает возможность снять этот барьер или снизить его значение. При этом формирование идентичности на основе культурной, а не национальной составляющей даст возможность расширить границы восприятия, преодолев узкие этнические стереотипы. Междисциплинарная культура, в которой связываются воедино многие пласты действительности, разорванные в отдельных областях знания, идеально подходит для многомерного и сложно организованного мира, которым является современное общество. В междисциплинарном и, шире, в межкультурном взаимодействии может быть сформировано новое понимание человека в системе многомерных взаимоотношений, которые он создает в процессе жизни. Междисциплинарный характер культуры проявляется и в том, что ее роль в процессе становления новой идентичности может анализироваться в контексте теории самоорганизации И.Р. Пригожина, так как культура может рассматриваться как фактор, структурирующий и выстраивающий

процесс социализации и становления социокультурной идентичности в кризисные периоды.

Изменчивость, текучесть, казалось бы, незыблемых представлений, истоки которых коренятся в бессознательном, в архетипах, обусловила необходимость поиска человеком в себе тех внутренних, духовных способностей, которые помогут ему противостоять давлению среды, кардинальным социальным, экономическим, идеологическим изменениям, способным нарушить (и даже разрушить) его целостность, идентичность, его понимание окружающего мира и самого себя. Символично, что на рубеже XX–XXI вв. вновь, как и столетие назад, приобретает актуальность проблема смысла и сути культуры, отличий природного и культурно-исторического бытия, границ и способов влияния культуры на личность. Это связано с тем, что формирование идентичности начинает происходить уже преимущественно не на основе социальной, но на основе национальной составляющей. При этом крайне важно, чтобы образующей этой идентичности стала национальная культура, а не родовая принадлежность.

Идея о роли пассионарной активности и в переконструировании социального мира, и в создании его образа, показывает, что в концепции образа мира, как в свое время в концепции образа движения, необходимо перейти от менее сложной и однозначной картины к более сложной и многозначной. В свое время Н.А. Бернштейн, выделяя уровни построения движений, подчеркивал сложность этого процесса, отличающегося от простых реакций на внешний раздражитель, так как человек не просто реагирует, отражает стимулы внешнего мира, но создает, конструирует свое поведение. По-видимому, в современной психологии также пора перейти от концепции отражения к концепции построения, конструирования образа мира и себя. Конструируемый образ мира не только субъективен, он представляет собой сложную разноуровневую систему, полностью проанализировать содержание которой можно только исходя из разных дискурсов. Таким образом, помимо иерархического строения создаваемых человеком представлений о себе и мире, можно констатировать и их отнесенность к разным областям — т.е. это уже скорее не образ, но коллаж. При этом, возможно, уместно использовать принцип взаимосвязи развития и дифференциации образов, о котором писали еще гештальтпсихологи, утверждая, что в процессе своего развития человек переходит от смутного образа мира ко все более четкому и дифференцированному представлению о нем.

Еще одной реальностью настоящего времени стал Интернет, который является крайне интересной моделью для исследования

в связи с тем, что в реальности социальная ситуация в значительной мере определяет не только оценку человеком своего положения в ней, но и детерминирует оценку им себя. В реальном мире люди часто не могут изменить ни себя, ни ситуацию, как бы она их ни устраивала, но в Интернете можно скрыться за маской, за несколькими масками, принимая разные имена и придумывая себе различные ситуации и разные биографии. Это дает возможность опробовать себя в разных ролях, которые в дальнейшем, при успехе в данном виде коммуникации, может перейти и в действительность. Так неопределенность общения в сети, накладываясь на неопределенность в личностной сфере, может стать источником положительной динамики и осознания если не себя, то хотя бы своего поведения и его причин.

В том случае, если мы уверены в возможности перестроить, переконструировать ситуацию и на этой основе выстроить будущее, снимается неопределенность этого будущего и те тревоги и опасения, которые оно несет с собой. Таким образом, конструкционистская парадигма, в рамках которой можно говорить о трансформации окружающего мира в направлении желаемых изменений, увеличивает степень предсказуемости будущего и снимает эмоциональную напряженность, смыкаясь с проблемой неопределенности, имеющей и методическую, и методологическую, и социальную обусловленность.

Сложности в описании неопределенности при предсказании проведения объектов в определенных ситуациях существуют не только в психологии, но и в естественных науках, например, в физике, где концепция неопределенности разрабатывалась еще с середины XX в. В рамках этой концепции доказывается, что фактически невозможно не только предвидеть будущее направление движения частиц, но и точно понять, какой путь они проделали в прошлом. Единственное, что объективно возможно — это увидеть положение частицы в конкретный момент времени.

Применяя понятие неопределенности к психологии, можно говорить о том, что в современном мире причинно-следственные отношения не всегда могут стать основой понимания событий, происходящих даже в настоящее время, и тем более они не могут помочь предсказать, как будет вести себя человек в будущем, как отреагирует даже на знакомые раздражители. Все это делает даже стабильную ситуацию не совсем ясной, еще более неопределенной является новая или постоянно меняющаяся ситуация, в которой сам человек, его мысли, состояние, поведение тоже становятся в большей, чем обычно, степени, неопределенными. Человек одновременно является как бы и стабильным образованием с ясной устойчивой структурой мотивов, и постоянно

меняющейся величиной в системе разнообразных отношений (и частица, и волна одновременно).

Поэтому объективация мотивов поведения человека в ситуации неопределенности не может уже соотноситься с поступком как феноменом личности. Однако невозможно совершенно отказаться от принципа детерминации, так как, хотя мы и не можем, как уже говорилось выше, полностью изучить причины поступков людей, мы в то же время не можем и исключить наличие причинно-следственных отношений в каждом конкретном случае, так же как и возможности их будущего анализа. При этом игнорирование детерминизма фактически стирает границу между научной и житейской психологией, психологией и мистикой: полностью отрицая это принцип, мы выйдем за рамки научности.

Поэтому в настоящее время приходится искать опосредованные способы анализа. По другим людям мы можем судить о том, что происходит с человеком, идентифицируясь с ним, можем судить о его мотивации. Но это — не полностью достоверное знание, оно опосредовано как культурой (человек ведет себя соответственно определенным эталонам), так и опытом и переживаниями наблюдателя, его атрибутивными схемами. Поэтому такое значение для постнеклассической психологии приобретают нарративы, результаты самонаблюдения. Как источник света позволяет не только разглядеть движущееся в темноте тело в конкретный момент времени, но и предположить, откуда оно появилось и куда направляется, моменты инсайта, рефлексии помогают человеку частично понять себя, осознать причины своих поступков, свои мысли и переживания, чтобы потом экстраполировать эти наблюдения на других людей. Но это только дискретные моменты: понимание того, что предшествовало им (причина) и того, что за ними последует, достаточно фрагментарно и субъективно, т.е. осознание себя и объективация идентичности в принципе возможны только здесь и сейчас. В то же время сохраняется иллюзия, что мы представляем себе свое предыдущее состояние, хотя мы оцениваем себя не намного лучше, чем окружающих.

Таким образом, для психологии объективация и операционализация понятия неопределенности актуальна в связи с методологическими проблемами и предметом исследований — личностью, внутренним мир которой в принципе не определен для окружающих, а во многом и для самого человека. Ситуация внешней неопределенности лишь усиливает это положение, делая его очевидным.

Поэтому в конструировании человеком своего поведения в ситуации неопределенности присутствует не только элемент активности, но и элемент неизбежности, так как человек не может не создавать

ту реальность, которая вызывает у него меньший страх и негативные переживания, как-то справляясь с тем фактом, что полностью осознать и предсказать ситуацию он не в состоянии, если хочет продуктивно жить и работать. При этом им используются различные виды объективации и объяснения, оценки и интерпретации своего поведения. Поэтому, как мне представляется, философия постмодерна и полипарадигмальная методологии особенно созвучны современной ситуации, непредсказуемость и вариативность которой волей-неволей приводят к необходимости создания «коллажа», отражающего разные аспекты ситуации и нашего присутствия в ней.

Полипарадигмальный характер современной психологии дает возможность не только выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки, но и наполнения понятия избыточными смыслами, открывая возможности их сравнительного толкования, что органично связывает ее методологию с постмодернизмом.

Согласно постмодернистскому взгляду, мир многомерен и многогранен, а образ мира — это своего рода мозаика, которая складывается из отдельных образов, представлений, теорий. Как и мозаика в калейдоскопе, образ мира, каким он нам предстает, зависит, прежде всего, от нашего сознания, от нашей интенции, которая и определяет «поворот» калейдоскопа и изменение картины мира. С этой точки зрения эволюция научного знания рассматривается как последовательная смена теорий, каждая из которых более точна и применима, чем предыдущие, но ни одна не описывает явления полностью и окончательно, ни одна не несет абсолютную истину. Именно поэтому наука в поисках ответов на кардинальные вопросы должна выйти за пределы условных границ между дисциплинами, используя те «языки», которые оказываются подходящими для описания различных аспектов многоуровневой, взаимосвязанной реальности. Одновременно эти критерии задают рамки и основания будущих исследований, которые, безусловно, будут проводиться, и не только в постнеклассической психологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
- Бернштейн Н.А. Очерк по физиологии движений и физиологии активности. М.: Наука, 1966.

Часть 1. Современная психология как постнеклассическая наука

- Гибсон Д.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Кравков С.В.* Самонаблюдение. М.: Госиздат, 1922.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Социальная психология в современном мире / Под. ред. Г.М. Андреевой и А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002.
- Харре Р.* Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. М.: ИНИОН РАН, 1995.
- Шпет Г.Г.* Психология социального бытия. М.: Академия педагогических и социальных наук, 1996.
- Ярошевский М.Г.* Историческая психология науки. СПб.: Наука, 1994.